

СТУПИН Родион Дмитриевич,
Высшая школа государственного аудита (факультет),
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
тел.: +7-966-140-54-30,
e-mail: rodion.stupin@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена уголовно-правовому и экономико-правовому анализу преступлений диверсионной направленности как самостоятельного института российского уголовного права, сформировавшегося в период проведения специальной военной операции. Рассматриваются понятие и содержание экономической и национальной безопасности Российской Федерации, соотношение диверсионной деятельности с иными угрозами государству, механизм причинения вреда экономике при совершении диверсии, а также статистические показатели роста числа зарегистрированных преступлений данной категории. Обосновывается вывод о системном и превентивном характере законодательного противодействия диверсионной деятельности и о необходимости его дальнейшего научного сопровождения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диверсия, диверсионная деятельность, экономическая безопасность, национальная безопасность, уголовная ответственность, обороноспособность, гибридная война, критическая инфраструктура.

STUPIN Rodion Dmitrievich,
Higher School of Public Audit (Faculty),
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

SABOTAGE-RELATED CRIMES AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

ANNOTATION. The article presents a criminal-law and economic-law analysis of sabotage-related crimes as an independent institution of Russian criminal law that took shape during the special military operation. It examines the concept and content of the economic and national security of the Russian Federation, the relationship between subversive activity and other threats to the state, the mechanism by which sabotage causes harm to the economy, and statistical indicators of the growth in the number of registered offences of this category. The article substantiates the conclusion that legislative countermeasures against subversive activity are systemic and preventive in nature and require further scholarly support.

KEY WORDS: sabotage, subversive activity, economic security, national security, criminal liability, defense capability, hybrid warfare, critical infrastructure.

Введение

Специальная военная операция и сопровождающее её беспрецедентное санкционное и информационное давление на Российскую Федерацию обнажили ряд угроз национальной безопасности, противодействие которым отечественному правопорядку приходится выстраивать заново. Одной из таких угроз стала диверсионная деятельность, число зарегистрированных эпизодов которой резко возросло начиная с 2022 года. Если в течение пятилетнего периода, предшествовавшего началу специальной военной операции, диверсия как оконченное преступление

фиксировалась правоохрнительными органами лишь в единичных случаях, то уже в первый год проведения специальной военной операции количество возбуждённых по статье 281 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дел исчислялось десятками и сотнями [11]. Подобная динамика свидетельствует не о статистической случайности, а о качественном изменении характера угроз, с которыми сталкивается государство, и с неизбежностью ставит перед юридической наукой задачу переосмысления накопленного теоретического материала.

Актуальность обращения к данной проблематике объясняется также тем, что специальные

исследования диверсии как преступного деяния проводились преимущественно в советский период отечественного правоведения, тогда как действующий Уголовный кодекс, равно как и весь массив законодательства об обеспечении безопасности, был принят в принципиально иных политических и экономических условиях. Нарботки прошлых десятилетий не могут быть механически перенесены на современную нормативную базу, а появление в структуре Особенной части УК РФ новых составов, а именно статей 281.1, 281.2, 281.3, а также дополнение статьи 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, позволяет говорить о формировании отдельного института уголовного права, который условно можно обозначить как институт преступлений диверсионной направленности.

Целью настоящей работы является комплексный анализ преступлений диверсионной направленности через призму их влияния на экономическую безопасность Российской Федерации, а также оценка адекватности избранных законодателем средств уголовно-правового противодействия данной угрозе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание понятий национальной и экономической безопасности и определить место диверсионной деятельности в системе угроз государству; проследить генезис уголовно-правовых норм о диверсии и дать их общую характеристику; показать механизм причинения вреда экономике при совершении диверсии; обобщить имеющиеся статистические данные о состоянии и динамике этого вида преступности; сформулировать выводы о направлениях дальнейшего противодействия.

1. Понятие и правовые основы обеспечения национальной и экономической безопасности Российской Федерации

Прежде чем переходить к анализу диверсионных преступлений, необходимо определить понятийный аппарат, поскольку именно от содержания категорий «национальная безопасность» и «экономическая безопасность» зависит корректная оценка общественной опасности рассматриваемых деяний.

Нормативную основу обеспечения национальной безопасности составляют Конституция Российской Федерации как основной закон государства [1], Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [3], Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [4], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [5], Стратегия экономической безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 [6], а также иные нормативные правовые

акты.

Согласно Стратегии национальной безопасности, национальная безопасность определяется как состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [5]. Из приведённого определения следует, что направленность национальной безопасности носит прежде всего антропоцентричный характер: конечной целью её обеспечения выступает защищённость личности, её прав, свобод и законных интересов. Данный подход согласуется со статьёй 2 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита составляют обязанность государства [1].

Вместе с тем права и свободы личности не могут рассматриваться в отрыве от публичных, государственных интересов. Государство, не способное обеспечить собственную безопасность, суверенитет, обороноспособность и территориальную целостность, объективно лишается возможности гарантировать безопасность общества и отдельного гражданина. Национальная безопасность, таким образом, представляет собой систему взаимосвязанных институтов экономического, оборонного, информационного, культурного и иных, обеспечение которой возможно лишь при условии защищённости каждого из составляющих её элементов.

Среди перечисленных институтов особое, системообразующее значение принадлежит экономической безопасности. Официальное определение данного понятия закреплено в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: экономическая безопасность представляет собой состояние защищённости национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство её экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [6]. Обобщая признаки, заложенные в приведённой дефиниции, можно утверждать, что достижение экономической безопасности создаёт предпосылки для сбалансированного и устойчивого развития всех отраслей народного хозяйства в отсутствие деструктивного внешнего и внутреннего воздействия.

Значительная часть современных исследователей признаёт фундаментальную роль экономики в жизнедеятельности общества и государства, что позволяет говорить о системной

взаимосвязи экономической безопасности со всеми остальными составляющими национальной безопасности. Посягательство, непосредственно направленное на экономическую сферу, закономерно влечёт дестабилизацию иных областей общественной жизни; вместе с тем и деструктивное воздействие на любой другой элемент национальной безопасности, например, на информационную инфраструктуру или объекты транспорта, неизбежно отражается на состоянии экономики. Данное обстоятельство обуславливает целесообразность рассмотрения диверсионной деятельности прежде всего через призму её влияния на экономическую безопасность государства, поскольку именно в этой плоскости соответствующий вред проявляется наиболее отчётливо и поддаётся содержательному анализу.

2. Диверсионные преступления как институт российского уголовного права: генезис и система норм

Уголовная ответственность за диверсию предусмотрена статьёй 281 УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры, средств связи или иного имущества, а равно на причинение вреда здоровью людей, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации [2]. До 2022 года данный состав применялся крайне редко: по сведениям Криминологической ассоциации имени А.И. Долговой, за период с 2018 по 2022 год был зафиксирован лишь один случай осуждения по указанной статье, тогда как уже за период 2022–2023 годов было зарегистрировано 154 случая совершения преступления, предусмотренного статьёй 281 УК РФ [11]. Столь резкий количественный скачок стал закономерной реакцией на изменение оперативной обстановки в условиях специальной военной операции и одновременно обнажил недостаточность прежнего теоретического и законодательного инструментария.

Отсутствие специальных составов, направленных на противодействие диверсионной деятельности на подготовительных стадиях, до 2022 года объясняется не столько упущением законодателя, сколько объективной логикой уголовно-правового регулирования, которое по общему правилу не может носить опережающего, превентивного характера в отсутствие реальной криминологической потребности. Резкий рост числа диверсионных проявлений с началом специальной военной операции создал такую потребность, и законодатель отреагировал введением в Уголовный кодекс комплекса новых норм: статьи 281.1 (содействие диверсионной деятельности), 281.2 (прохождение обучения в целях

осуществления диверсионной деятельности) и 281.3 (организация диверсионного сообщества или участие в нём), а также изменением статьи 63 УК РФ, дополненной пунктом «с», относящим к обстоятельствам, отягчающим наказание, совершение любого преступления в целях пропаганды, оправдания или поддержки диверсионной деятельности [2]. Указанные новеллы позволяют охарактеризовать законодательный подход как системный: уголовно-правовому воздействию подвергается не только оконченная диверсия, но и весь цикл подготовки к ней, включая вербовку, обучение и организационное объединение исполнителей.

Совокупность перечисленных норм даёт основания для выделения в структуре Особенной части УК РФ самостоятельного института – преступлений диверсионной направленности (диверсионных преступлений). Данный вывод подтверждается и позицией ряда учёных, обращающихся к анализу генезиса соответствующего законодательства и его пенализационного потенциала [7; 9; 10]. Вместе с тем следует критически оценить встречающееся в литературе расширительное толкование, согласно которому в состав указанного института включается любое преступление, совершённое в целях пропаганды, оправдания или поддержки диверсии, то есть отягчающее обстоятельство, предусмотренное пунктом «с» статьи 63 УК РФ [2]. Подобная позиция представляется недостаточно обоснованной, поскольку иное преступление, совершённое с такой целью, само по себе не находится в устойчивой причинно-следственной связи с последующим совершением диверсии, а лишь опосредованно повышает вероятность её совершения в будущем. Уголовно-правовой анализ статей 281–281.3 УК РФ показывает, что их объединяющим признаком выступает единый объект посягательства-экономическая безопасность и обороноспособность государства, что и составляет содержательное основание для выделения соответствующей группы норм в отдельный институт.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о разграничении диверсии со смежным составом террористического акта, предусмотренным статьёй 205 УК РФ. Оба состава характеризуются общеопасным способом совершения: взрывом, поджогом или иными аналогичными действиями, что на практике порождает сложности квалификации. Ключевое отличие заключается в направленности умысла: если целью террористического акта является устрашение населения и оказание воздействия на принятие решений органами власти, то целью диверсии выступает подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны, а устрашение населения не входит в число обязательных признаков состава. Правильное разграничение данных составов имеет существенное практическое значение,

поскольку от него зависит корректная квалификация содеянного и, соответственно, эффективность применяемых мер уголовно-правового воздействия.

3. Механизм причинения вреда экономической безопасности при совершении диверсии

Диверсионная деятельность представляет собой преимущественно внешнюю по отношению к национальной экономике угрозу: её возникновение, как правило, не обусловлено внутренними закономерностями функционирования хозяйственной системы государства, а привносится извне в качестве инструмента враждебного воздействия. В этом смысле диверсия выступает наиболее радикальной формой посягательства на экономическую безопасность, поскольку непосредственный ущерб от её совершения проявляется практически мгновенно, тогда как её косвенные экономические последствия способны разворачиваться на протяжении длительного времени и в полном объёме поддаются оценке лишь после устранения всех последствий содеянного.

Показательным представляется то обстоятельство, что непосредственный материальный ущерб от отдельного акта диверсии зачастую сравнительно невелик, тогда как отложенные во времени последствия способны причинить значительно больший вред, предотвращение которого затруднено ввиду невозможности их точного прогнозирования. Широкую известность получили случаи атак нефтеперерабатывающих заводов с применением беспилотных летательных аппаратов: подобные атаки, как правило, наносят относительно ограниченный физический ущерб конкретному объекту, однако вывод из строя даже отдельного звена производственной цепи предприятия способен временно парализовать его нормальную хозяйственную деятельность в целом. На протяжении периода вынужденного простоя такого предприятия неизбежно страдает вся связанная с ним цепочка производства и последующей реализации продукции: от поставщиков сырья до конечных потребителей [8].

Изложенное позволяет сформулировать общий вывод о характере вреда, причиняемого диверсией экономической безопасности государства: нарушение стабильного функционирования даже одного элемента хозяйственной системы неизбежно отражается на состоянии всех остальных её сфер, поскольку современная экономика представляет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных отношений, элементы которой не способны функционировать полностью автономно друг от друга. Именно системный, каскадный характер экономического ущерба и делает диверсию угрозой, противодействие которой исключительно экономическими средствами страхованием рисков,

резервированием мощностей, диверсификацией производственных цепочек не может считаться достаточным и должно дополняться мерами государственно-правового, в том числе уголовно-правового, характера.

4. Особенности уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности и его превентивный характер

Специфика диверсии как преступного деяния заключается в чрезвычайной скоротечности объективной стороны: способы её совершения – взрыв, поджог и иные аналогичные действия реализуются практически мгновенно, что делает пресечение диверсии в момент её непосредственного осуществления крайне затруднительным, а зачастую и вовсе невозможным. Данное обстоятельство предопределило избранный законодателем путь противодействия диверсионной деятельности: основной акцент сделан не на пресечении оконченного преступления, а на предупреждении самой возможности его совершения посредством криминализации подготовительной деятельности.

Введение в Уголовный кодекс статей 281.1–281.3 позволило распространить уголовно-правовое воздействие на деятельность по вербовке и содействию, на обучение лиц методам осуществления диверсий, а также на создание и функционирование диверсионных сообществ, то есть на всю организационную инфраструктуру, обеспечивающую совершение диверсий [2]. Подобный подход представляется обоснованным и в определённой степени подтверждается практикой: регулярные сообщения органов власти и средств массовой информации о пресечении диверсионной деятельности на стадии приготовления свидетельствуют о работоспособности избранной модели превентивного реагирования. Одновременно расширение уголовно-правового инструментария приобретает особую значимость в условиях так называемой гибридной войны, для которой характерно использование невоенных, в том числе диверсионных, средств воздействия на противника без формального объявления состояния войны [7]. В этих условиях способность государства пресекать организационную и подготовительную деятельность, предшествующую диверсии, приобретает не меньшее значение, чем реагирование на уже совершённое посягательство.

Вместе с тем эффективность превентивной модели противодействия не может быть в полной мере оценена без учёта правоприменительной статистики. Приведённые выше данные о росте числа зарегистрированных диверсионных преступлений с единичных случаев в период 2018–2022 годов до 154 эпизодов в 2022–2023 годах [11] свидетельствуют не только об обострении криминогенной обстановки, но и о возросшей активности правоохранительных органов по вы-

явлению соответствующих деяний. Дальнейшее накопление правоприменительной практики создаёт предпосылки для более точной криминологической оценки эффективности новых уголовно-правовых норм и, при необходимости, для их последующей корректировки.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов. Во-первых, экономическая безопасность занимает системообразующее положение в структуре национальной безопасности Российской Федерации, поскольку дестабилизация экономической сферы объективно влечёт за собой негативные последствия для иных составляющих национальной безопасности государства. Во-вторых, диверсионная деятельность представляет собой одну из наиболее радикальных внешних угроз экономической безопасности: непосредственный ущерб от диверсии проявляется практически мгновенно, тогда как её систематические, отложенные во времени последствия способны затрагивать целые производственные и сбытовые цепочки и с трудом поддаются точному прогнозированию.

В-третьих, резкий рост числа диверсионных проявлений начиная с 2022 года обусловил формирование в структуре российского уголовного законодательства самостоятельного института преступлений диверсионной направленности, включающего составы статей 281, 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ, объединённые единым объектом посягательства-экономической безопасностью и обороноспособностью государства. Отсутствие

соответствующих специальных норм до 2022 года не может быть охарактеризовано как законодательный пробел, поскольку уголовно-правовое регулирование по своей природе реактивно и следует за реальной криминологической потребностью, а не опережает её.

В-четвёртых, избранная законодателем модель противодействия: криминализация не только оконченной диверсии, но и всего цикла подготовки к ней представляется обоснованной с учётом объективной невозможности пресечения диверсии на стадии её непосредственного совершения ввиду скоротечности объективной стороны данного деяния и характеризуется комплексной и превентивной направленностью. Такой подход приобретает дополнительную актуальность в условиях гибридного противостояния, характеризующегося использованием невоенных инструментов давления на экономику и обороноспособность государства.

Наконец, следует констатировать, что комплексное научное изучение и противодействие преступлениям диверсионной направленности до недавнего времени не проводилось на системной основе, тогда как масштаб и динамика соответствующей угрозы требуют скоординированных усилий со стороны всех органов государственной власти, а также дальнейшего развития уголовно-правовой доктрины в данной области, включая уточнение признаков состава диверсии, совершенствование правил её отграничения от смежных преступлений и выработку единых подходов к оценке причинённого экономике вреда.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [3] Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [4] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [5] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [6] Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 31.03.2025).
- [7] Босхолов С. С. Основы теории национальной безопасности России: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 1 (общая часть). Иркутск: Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. 220 с.
- [8] Глазырин С. И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 167–171.
- [9] Пикина Т. В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 2025. 249 с.

[10] Горшкова Н. А. Пенализация диверсионной деятельности: законодательный и правоприменительный подходы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 4. С. 26–35.

[11] Данные Криминологической ассоциации имени А.И. Долговой. // Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой. URL: <https://crimas.ru> (дата обращения: 31.03.2025).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993; with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: March 31, 2025).

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as currently amended). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: March 31, 2025).

[3] Federal Law No. 390-FZ dated December 28, 2010, «On Security.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (accessed: March 31, 2025).

[4] Federal Law No. 172-FZ dated June 28, 2014, «On Strategic Planning in the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed: March 31, 2025).

[5] Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, «On the National Security Strategy of the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed: March 31, 2025).

[6] Decree of the President of the Russian Federation No. 208 dated May 13, 2017, «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (accessed: March 31, 2025).

[7] Boskholov S. S. Fundamentals of the Theory of Russia's National Security: A Study Guide: in 2 parts. Part 1 (General Part). Irkutsk: Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019. 220 p.

[8] Glazyrin S. I. Crimes of a Sabotage Nature: A New Approach to Ensuring the Economic Security and Defense Capability of the Russian Federation at the Present Stage // Legal Order: History, Theory, Practice. 2024. No. 1 (40). Pp. 167–171.

[9] Pikina T. V. Crimes Related to Sabotage Activities: Key Directions of Criminal Policy for Counteraction: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation: 5.1.4. Krasnodar: Kuban State University, 2025. 249 p.

[10] Gorshkova N. A. Penalization of Sabotage Activities: Legislative and Law Enforcement Approaches // Siberian Criminal Procedure and Forensic Science Readings. 2024, No. 4, pp. 26–35.

[11] Data from the A.I. Dolgova Criminological Association. // Azaliya Ivanovna Dolgova Russian Criminological Association. URL: <https://crimas.ru> (accessed: 31.03.2025).

